

Столовая сегодня была увеличена настолько, что могла бы назваться обеденной залой. Украшенная орнаментом мебель викторианской эпохи сменилась четырьмя простыми длинными деревянными столами, со столь же простонародными скамьями вдоль каждого из них. Обычно для такого количества гостей устроили бы шведский стол, но обычно эти самые гости уже знакомы как с едой, так и со стилями её потребления.

Но сейчас гостями были недавно прибывшие иммигранты, причём чужестранные настолько, насколько вообще это можно себе представить. Новоприбывшие перемежались сотрудниками министерства, которые делали всё возможное, чтобы облегчить их вливание в общество Магической Британии. Для иммигрантов, однако, этот ужин был подобен кошмару. Поданные на ужин блюда были оформлены и украшены, словно произведения искусства. От всехпони ожидали, что, несмотря на свои опасения, они попробуют каждое кушанье понемножку, но в этом и крылась проблема: теперь в их рацион входила плоть тех, кто у них на родине — «бывшей родине», с грустью подумала Кьюти Би — мог бы быть их друзьями или соседями. От одной этой мысли к горлу подступала желчь. Она больше не могла отрицать очевидного. Теперь все они — монстры и живут в мире монстров. Они больше не смогут вернуться домой.

Кьюти Би вздохнула и, зачерпнув немного неизвестно чьего мяса, перенесла его к себе на тарелку. Она не могла понять, за что заслужила столь жестокое наказание. Последним, что она помнила, было то, как она ночевала со своими двумя ближайшими подругами и сёстрами по табуну, Сильверсонг и Сайлент Виш. Помнила, как она сидела на огромной кровати Сайлент Виш и как они обсуждали свои планы на завтра — и вдруг Кьюти оказалась в огромной библиотеке в окружении каких-то странных и пугающих чудищ, притом став старше на десять лет. У неё не было ни малейшей идеи о том, что же произошло за эти отсутствующие у неё в памяти годы. Она была гордой и сильной земной пони, так как же так случилось, что она стала столь хилой и оказалась в шкуре одного из окружавших её чудищ? И Кьюти Би целиком и полностью была уверена в том, что обязательно закричала бы и запаниковала, если бы одно из этих существ, пытаясь успокоить её, не заговорило бы голосом и привычными выражениями Сильверсонг.

Существо с голосом Сильверсонг объяснило, что случилось немыслимое. Их изгнали из Эквестрии. И то, что происходило с ними в следующие десять лет вдали от цивилизации, оказалось столь болезненным и невыносимым, что те, кто приютили их, посчитали необходимым стереть им память о проведённых в изгнании годах. Кьюти решила, что не хочет даже задумываться о том, какой же ужас им пришлось пережить, что избавиться от него может лишь спасительная амнезия. И если предположения Кьюти Би верны, то именно из-за этого она сама и её сёстры по табуну были в столь ужасном состоянии даже с учётом заточения в чуждых для них телах. Некогда прекрасные грива, хвост и шёрстка, гордость любой уважающей себя кобылки, стали для неё невозполнимой утратой: грива оказалась в кошмарном состоянии — тусклая и ломкая, она потеряла свой яркий цвет, объём и природный блеск, а хвост и шёрстка в этом облике и вовсе отсутствовали. Они потеряли целых десять лет своей жизни. Потеряли всё, что давало им возможность чувствовать себя особенными. От этих мыслей ей вновь захотелось разрыдаться.

К счастью, у них ещё была надежда. Все эти «люди» — как местные жители, так и те, кто называли себя бывшими пони, постоянно крутились вокруг её предполагаемого табуна, предлагая поддержку, при этом смотря на них с беспокойством и заботой. Настойчивые целители трижды в день пичкали их кучей разных зелий. В остальное время для всехпони

почему мы в итоге и оказались здесь.

— Как бы то ни было, это не повод срывать церемонию распределения, — пожурела её профессор Макгонагалл. — В понедельник во время завтрака ты должна будешь принести ей официальные извинения за своё недостойное поведение. Мы все проходим распределение лишь раз в жизни, потому омрачать другому этот незабываемый опыт недопустимо. Я ожидала лучшего от учеников своего факультета.

— Да, мэм, — понурилась превращённая единорожка.

— Более того, — добавила Макгонагалл, обведя взглядом каждого из присутствующих, — каждый из вас напишет сочинение в фут длиной о важности воспитания и хороших манер, к пятнице я жду его у себя на столе.

Симус хмыкнул и тут же прикрыл ладонями рот, чтобы скрыть ухмылку.

— Я сказала что-то смешное, мистер Финниган? — резко спросила профессор, впившись в парня взглядом.

— Простите, профессор, — ответил Симус, всё ещё пытаясь сдержать смех. — Я просто представил, как Маха протягивает вам свиток, исписанный словом «бекон».

Часть табунка тут же стала прилагать усилия, чтобы скрыть рвущийся наружу смех. Однако под строгим взглядом декана они быстро взяли себя в руки.

— Надеюсь, больше никто из вас не станет меня подобным образом разочаровывать?

— Нет, мэм, — хором ответили первоклашки, им вторила Филомина, прощепетав с плеча Свити.

— Вот и хорошо, все свободны.

В глубине пыльного склада солидного музея стоял ящик. В нём содержался интересный артефакт, предназначение которого до сих пор оставалось для учёных-археологов загадкой. Из-за того, что он был сделан из золота и драгоценностей, его классифицировали как произведение искусства, хотя и крайне нетипичное для региона и эпохи, в которых онный

артефакт был создан. Слишком ценный, чтобы от него избавиться, и слишком странный и не вписывающийся в культурный слой той эпохи и того региона, он лежал в музейных запасниках, видя свет дневной лишь изредка, когда очередному академику хотелось поглазеть на это уникальное чудо.

Уже некоторое время камни на поверхности артефакта раз за разом вспыхивали в определённом порядке, однако то, что значил этот сигнал, было давным-давно забыто. Предупреждение об опасности, о которой сигнализировал артефакт, игнорировалось. Но вдруг он перестал мигать так же внезапно, как и немногим ранее начал, после чего стал светиться жутковатым красным светом. К несчастью, наблюдатели вне запечатанного контейнера его квантовое состояние наблюдать не могли. Шрёдингер был бы очень недоволен.

В гостиной Гриффиндора было куда более многолюдно, чем обычно. Когда портрет распахнулся, первоклашки были встречены телевизором, кричащим что-то весёлое.

— Вы можете хотя бы несколько дней подряд не вступать в неприятности? — спросил староста-семиклассник, не сводя взгляда с экрана телевизора.

— Мы пытаемся, — ответила Лаванда.

Окинув гостиную взглядом, она заметила, что здесь снова собрался весь Хаффлпафф. Все хаффлпаффы-первоклашки сгруппировались напротив телика, окружив свою новую одноклассницу. Они все как один обернулись и улыбками поприветствовали вошедших первоклашек. И в этот момент Эппл Блум заметила, что Клаудед Хоуп держит на коленках что-то синее. Ахнув от внезапного осознания, Меткоискательница крепко упёрлась ногами в пол, с лёгкостью принимая на плечи дополнительный вес.

— Ауч! — пожаловалась Джинни, стукнувшись головой об потолок.

— Так, прекращайте это, вы ведёте себя попросту глупо, — сказала Фэй, задирая голову.

— Выглядит забавно, — сказала Луна и стала взбираться на Эппл Блум.

Эбигейл и Парвати в восхищении уставились на живую башню.

— И как они только умудряются это вытворять и притом не падать? — поинтересовалась

Тереза, отводя взгляд от телика.

Вшух-бух-бух-бух-бух-бух!

— Забудьте, я поторопилась.

— Только не говорите мне, что храбрые гриффиндорцы боятся маленького безобидного слайма, — поддразнила их Сьюзен Боунс, забрав синий шар из рук Клаудед и протягивая его в сторону новоприбывших.

— Ты про эту злобную штуку?! — возмутился Рон, пытаясь выбраться из устроенной табунком кучи-малы.

— Лаванда, может, хватит мне ногой в печень упираться? — спросил Дин.

— Извини, это моя, — повинился Невилл.

— Я и не знал, что фениксы умеют смеяться, — прокомментировал происходящее хаффлпаффец-старшеклассник.

Тем временем Эбигейл и Парвати подошли к хаффлпафцам-первоклассникам, чтобы изучить их факультетского питомца.

— Значит, это и есть Мышь, — полувопросительно сказала Парвати, даже не делая попыток взять его на руки.

— Можно его подержать? — спросила Эбигейл, протягивая руки.

— Он пахнет зельем от кашля, — отметила Луна, примостившись рядом с Парвати.

— Он очень милый и ласковый, — сказала Ханна, наблюдая, как Эбигейл и Луна гладят Мыша.

— Это если не брать во внимание его рацион, — сказал Эван с Хаффлпаффа.

— Ты просто злишься, что он пролез за завтраком к тебе в душ, — возразил ещё один хаффлпаффец.

— А ты знаешь, куда он меня цапнул? — едва не взвизгнул Эван.

— Ты об этом уже раз сто говорил, — хмыкнул второй парень.

— Предлагаю сменить тему, — сказал гриффиндорец-пятиклассник. — И потом, пора бы и мне хоть раз выиграть пари.

— Неплохая мысль, — согласилась Фэй. — Как раз реклама началась. Посмотрим, кто кем станет. Лавгуд, хочешь быть первой, раз уж Бейтс играет с Мышом?

— Ну, хорошо, — согласилась блондинка и, соскочив, встала напротив телевизора.

— Подождите-ка! — пожаловался Эрни Макмиллан. — Хотите сказать, что все первоклашки Гриффиндора умеют превращаться в пони? Так нечестно!

— Клаудед Хоуп тоже может превращаться, — подсказала Гермиона.

— Только я не люблю превращаться у всех на виду, — испуганно съёжилась Клаудед в ответ на это заявление.

— О-о-о! — проворковала Сьюзен. — У нас есть своя понька!

— Народ! — вклинился Перси. — На Луну смотрите. Реклама не будет идти вечно.

Все присутствующие с ожиданием уставились на блондинку. Улыбнувшись в ответ на столь пристальное внимание, Луна резко уменьшилась превращаясь.

— Выглядит жутко, — сказал Фред.

— Жутко мило, — добавил Джордж.

— Просто жутко, — не согласился первый близнец.

— Ничё се! — вытаращилась Эппл Блум. — Фестралка.

— У неё даже клыки есть, — отметила Кэти Белл.

Тем временем другая гриффиндорка-четвероклассница подхватила Луну на руки, с наслаждением оглаживая её бархатные кожистые крылья.

— Итак, кто загадывал светло-серую шёрстку и фиолетовую гриву с блондинистой полосой? — спросила девочка, державшая новопревращённую фестралочку.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, — сказал Джордж, сверяясь со свитком, — но кое-кто и

правда загадали по представителю трёх известных нам видов с серой шерстью и фиолетовой гривой.

— Хм, полагаю, фестралы ближе всего к пегасам, — вполголоса предположил Фред.

— Неа, — поправила Скуталу, — они гордятся тем, что относятся к своему собственному виду. Просто они редко встречаются.

— Тогда разделите выигрыш на троих, — присудила Фэй. — Бейтс, твоя очередь.

Протянув Мыша обратно Сьюзен, Эбигейл, широко улыбаясь, выскочила на пустое пространство перед телевизором.

— Я этого целую неделю ждала! — заявила она и, не говоря больше ни слова, обратилась.

— Ещё одна фестралка, — объявила Фэй, — и похоже, Гермiona не единственная, кто светится в темноте.

— Ага, — согласилась Джинни, — только Эбигейл вся чёрная. Тогда почему она красным светится?

Найти собачьи миски подходящих для Пушка размеров стало той ещё проблемой — скорее всего их пришлось бы заказывать у жестянщика. И даже привыкшей быть практичной Эпплджек пришлось импровизировать с тремя деревянными корзинами и куском толстой ткани, которой она законопатила щели, чтобы налитая в них вода не выливалась наружу. Выстроив импровизированные миски перед собой в ряд, фермерша разорвала зубами двадцатипятикилограммовую упаковку собачьего корма и равномерно распределила её содержимое между мисками. Затем, поднявшись на задние ноги, она поднесла передние копыта ко рту и громко засвистела.

— Пушок! — закричала она, вставая на все четыре. — Иди сюда, малыш! Тебя ужин ждёт!

Её усилия были вознаграждены лёгким землетрясением, сигнализовавшим о приближении нового обитателя их фермы.

Видя несущегося на неё трёхголового щенка-переростка, Эпплджек, не желая оказаться затоптанной или обслюнявленной, отошла на пару шагов назад, наблюдая за тем, как каждая из голов Пушка исчезла в своей корзине и радостно захрустела кормом. Довольная, что всё вроде прошло хорошо, кобылка развернулась и направилась к миске Вайноны. Однако не прошла она и десятка шагов, как воздух разорвал громкий обиженный скулёж.

Ведомая любопытством, рыжая земнопони обернулась через плечо и обнаружила, что правая голова Пушка жалобно смотрит на неё взглядом побитого щенка. Опустив взгляд вниз, Эпплджек обнаружила Вайнону, забравшуюся в миску этой головы и теперь радостно жующую её содержимое.

— Оу, ты и впрямь прост' большой щеночек, — проворковала кобылка, с трудом сдерживая смех.

Посреди прекрасной пещеры Голубого озера одинокая фигура неумоимо двигалась к своей цели. Ни одно препятствие не могло помешать ей в конце концов достигнуть поставленной цели. Те, кто были здесь ранее, ждали, что их добыча может оказаться где угодно, так что подготовились к подобному исходу. В озере был спрятан портал, ведущий в пространство между мирами, позволяя переместиться в любую точку на планете. От каждого шага фигуры, ступающей по поверхности озера словно по тверди, по водной глади расходились круги. Законы физики не были для него преградой; и неважно, что было перед ним — жидкость или твёрдый объект — для него эта разница была несущественной.

Внезапно он замер на месте и склонил голову набок, прислушиваясь, словно измеряя дистанцию и азимут. Затем, позволив себе лёгкую ухмылку, фигура продолжила путь, шаг за шагом спускаясь под воду, словно по невидимым ступенькам.

Лёжа в темноте спальни хаффлаффок-первоклашек, Клаудед Хоуп наконец-то осознала, что же она последнее время ощущала, точнее, чего не ощущала. То терзающее неприятное чувство, та гложащая боль, которая была с Клаудед едва ли не с самого своего рождения, — её больше не было. Каждому чейнджлингу, даже маленьким личинкам, было знакомо это

ощущение. Того, что могло бы их наполнить и избавить от боли, всегда не хватало. И даже если один из них находил достаточно, чтобы наполниться, его обязанностью было оставить себе лишь малую часть, достаточную, чтобы выжить, делясь всем остальным с другими.

Вечер обернулся для неё оглушительным успехом. Она никогда даже и представить себе не могла существования места, где еда будет такой обильной. Никогда ранее Клаудед не была такой сытой, такой заполненной. И притом вокруг витало в разы больше еды, чем она могла вместить в себя. Она просто обязана найти способ поделиться излишками со своей семьёй. Эти непредвиденные обстоятельства могут стать настоящим спасением для её улья. Наконец-то Клаудед Хоуп сможет оправдать своё имя.

Увиденный Хоуп «телек» оказался для неё чем-то совершенно новым, однако она сразу поняла, для чего именно предназначалось это устройство: оно было эмоциональным манипулятором. Люди собирались и рассаживались вокруг этой хитроумной светящейся коробки, а она принималась управлять их эмоциями: то массово вызывала у них злость, то заставляла всех смеяться, и что самое важное — вызывала у них любовь, притом — тоже массово. За какие-то полчаса она набрала столько витавших вокруг них эмоций, сколько с трудом удержит в себе взрослый инфильтратор, зачастую собирая столько же за неделю, а то и более, и притом всё это — от одних лишь простых разговоров!

От такой сытой кормёжки Клаудед стала вялой, тяжёлой и неповоротливой и едва не икала. Всё, что она могла сделать, чтобы хоть немного прийти в себя — отправиться в туалет и избавиться от половины собранного. Подобная трата драгоценной еды ранее казалась невыносимой, однако у Хоуп просто не оставалось иного выбора, если она хочет оставаться способной передвигаться самостоятельно.

Почувствовав, что вновь может мыслить трезво, Хоуп поспешила обратно в спальню девочек-первоклашек. Туалет она покидала уже под личиной пони, что в итоге принесло ей кое-какие неудобства: Сьюзен подхватила Клаудед на руки и заявила, что будет всю ночь спать с ней в обнимку как с плюшевой игрушкой. В итоге чейнджлинг всю ночь провела, прижимаемая к гораздо более крупной по сравнению с ней людской кобылке, буквально купаясь в распространяемой ею любви.

Терзавший всю её сознательную жизнь голод наконец-то ушёл в прошлое.

Эбигейл широко зевнула и слегка ослабила крылья, в которые завернулась будто в кокон. Сонно приоткрыв глаза, она обнаружила, что в царившей в спальне темноте её ночное зрение внезапно оказалось куда лучше, чем раньше, в её родном теле. В тусклом свете луны и звёзд новообращённая фестралочка могла довольно чётко различить даже мельчайшие детали тех,

кто лежал внизу, на кровати: взрослая псевдо-женщина, маленькая девочка и лежащие вокруг них одиннадцать маленьких поняшек. Она так и не смогла понять, почему Парвати не стала превращаться, хотя точно помнила, что Эппл Блум у неё спрашивала. После случившегося с Гермией весь остальной табунок хотел быть абсолютно уверенным в том, что девочку точно ничего не беспокоит и у неё точно ничего не случилось, поэтому все они были готовы при первых признаках проблем протянуть «копыто помощи» (Эбигейл слегка улыбнулась при мысли об этой фразе). Тем не менее Парвати продолжала настаивать, что у неё действительно ничего не случилось и она просто не в настроении сейчас превращаться.

В принципе, в поведении Парвати не было ничего такого, что могло бы вызвать тревогу. Эбигейл уже узнала, какой это кайф — спать в обнимку с превращённой Махой и прижимающимися к ней со всех сторон сотабунницами, и сейчас смотрела на лежащую внизу девочку с толикой зависти.

Однако Эбигейл чувствовала, что несмотря на казавшуюся изоляцию, она не была одинокой. Повернув голову, она обнаружила прижимавшуюся к её боку Луну. Наверное, спать подобным образом нормально для фестралов. Лишь два вопроса беспокоили разум девочки. Следует ли ей теперь оставаться человеком, чтобы поспать в обнимку с остальными сотабунницами? И как, чёрт возьми, она свисает с потолка, держась за него задними копытами?!

Дафну Гринграсс немало смущало поведение двух новых девочек. Было совершенно очевидно, что они были иностранками. Однако столь же очевидно, что они были прекрасно знакомы с понятием «положение в обществе». Когда после ужина новеньких вкратце ознакомили с заведёнными на Слизерине порядками и разницей между присутствующими здесь представителями определённых сословий, эти девочки, демонстрируя великолепные манеры, коим даже не каждый чистокровный обучен, стали подробно расспрашивать о социальной иерархии среди взрослых. И теперь ни у кого не возникало ни единого сомнения в том, что они вполне заслуженно оказались на факультете Слизерина.

Несмотря на их осведомлённость и понимание концепции социальной иерархии, новенькие не продемонстрировали ни единого признака того, что они сами и, тем более, их семья обладают какими-либо богатствами. Девочки прибыли без каких-либо вещей и без сменной одежды, а ярлыки на одежде, что была на них надета, свидетельствовали о том, что это запасные комплекты школьной формы. Дафна абсолютно не могла себе представить того, как пара подобных девочек явно из высшего света могла путешествовать налегке, без кучи просто необходимых любой уважающей себя леди вещей. Даже если предположить, что решение о переезде и поступлении сюда было принято в самый последний момент, любой нормальный человек всё равно бы захватил с собой десяток-другой самых нужных ему вещей. С другой стороны, в идее провести целый выходной в походах по магазинам была своя привлекательность. Дафне оставалось лишь постараться завтра убедить новеньких взять её с

собой в Косой переулок.

Никто из слизеринцев не стал бы отрицать неизбежность того, что Даймонд Тиара вскоре будет находиться на вершине иерархии. В конце концов, Шляпа назвала её Прямой, и фактически это означало, что она является наследницей самого Салазара Слизерина. На подобный уровень престижа и привилегий не мог бы претендовать даже его прямой потомок, объявись он сейчас здесь. Меньше чем за сутки она сосредоточила в своих руках куда бóльшую власть, чем большинство с её факультета смогут обрести за всю свою жизнь. Лишь незнание Даймонд того, сколь широки границы доступного ей, давало остальным надежду на то, что они не окажутся все поголовно у неё в подчинении. У них ещё было время, чтобы завоевать её расположение, и Дафна понимала: учитывая возможные выгоды, ни один слизеринец в здравом уме не станет пренебрегать возможностью заручиться поддержкой столь влиятельного союзника.

Однако её подруга Сильвер Спун была поистине тёмной лошадкой. Если верить её словам, она была достаточно богатой, однако официально её семья не принадлежала волшебному миру. Ни в одном из списков семей волшебников, имевшихся на факультете Слизерин, её фамилия не упоминалась. Девочка утверждала, что её семья пользуется магией с незапамятных времён, однако не было найдено ни единого подтверждения её словам. Однако даже если это и было правдой, для Дафны это мало что значило — их семью мало интересовала вся эта чистокровная муть. Так что время покажет, есть ли у этой девочки способности к магии или нет.

То, что Сильвер была подчинённой Даймонд, было совершенно очевидно для всех. Дафна даже подозревала, что беловолосая девчушка оказалась на Слизерине больше из-за её связи с Даймонд, чем из-за каких-то своих качеств. Тем не менее, по влиянию она, похоже, станет тенью, отражением самой Даймонд.

Однако наибольшим шоком для неё и многих присутствующих стал брачный договор между Даймонд и Драко. Новая девочка, не теряя времени, тут же объявила последнего из рода Малфой едва ли не своей собственностью, и судя по её поведению, главным в их отношениях будет отнюдь не Драко. Бедный парень весь вечер был словно в воду опущенный, а на лице его отчётливо читалась вселенская скорбь. Для его авторитета и для него самого это стало окончательным падением с вершины иерархии Слизерина. Да, Драко всё ещё будут величать принцем Слизерина, но принцем под пятой властной королевы.

Странности только продолжили множиться после того, как Дафна одолжила новеньким ночнушки. Эти двое забрались на одну из двух появившихся в комнате дополнительных кроватей, начисто проигнорировав вторую, и так и уснули в объятьях друг друга.

Драко чувствовал, что плывёт по течению. Всё происходило не так, как должно было бы. Место главы Рода, принадлежащее ему по праву рождения, было бесцеремонно узурпировано. Каких-то две недели назад именно к нему обращались за помощью сверстники. Однако вместе со смертью отца он растерял и весь свой авторитет. Теперь быть Малфоем стало позором. И если бы не девчонка, что сейчас тащила его за руку, он тоже бы стыдился тем, что был Малфоем. Его значимость взлетала и падала вверх-вниз так часто, что он, казалось, уже начинал ощущать морскую болезнь.

Эта клятая Раттер оказалась на удивление успешной в подборе будущей жены для Драко. Прима факультета Слизерин была для него столь ценным приобретением, о котором он не смел даже и мечтать. Единственным недостатком было то, что эта девчонка явно не знала своего места. Она нагло пыталась командовать Драко, указывая, куда ему идти и что делать вместо того, чтобы вести себя, как полагается истинному чистокровному партнёру. Похоже, ему придётся заняться её воспитанием.

В какой-то момент он вдруг осознал, что Даймонд ведёт его в сторону гриффиндорской башни. Девчонка крепко держала его левую руку, её подруга — правую. Из-за этого Крэббу и Гойлу пришлось идти в паре шагов позади них. Вместо того чтобы сопроводить его в Большой зал на завтрак Даймонд настояла пересечься с гриффиндорцами, заявив, что сейчас самое время заручиться поддержкой союзников, так что завтрак может и подождать.

Драко попытался увещевать её и объяснить, что союзники у них могут быть только в рядах их факультета и, возможно, среди Равенкло, но о гриффиндорцах не может быть и речи. Однако Даймонд в ответ лишь рассмеялась и сказала, что слизеринцы — всего лишь холуи. Союзники же совершенно другие. И теперь приунывший Драко только и мог, что молча наблюдать за изначально обречённым на провал предприятием. Правда, если ему повезёт, он сможет отыграться и позлорадствовать над этими убогими ничтожествами.

— Вот вы где! — вдруг приветливо воскликнула Даймонд.

Выдернутый из своих размышлений, Драко посмотрел вперёд по коридору и увидел толпу глядящих на него гриффиндорцев-первоклашек. И написанное на большинстве лиц удивление было для него словно бальзам на душу.

— Что тебе нужно, Даймонд Тиара? — нагло потребовала девчонка с до абсурдного сиреневыми волосами, Скут Алу, нахмурившись, проявляя именно тот характер, которого Драко и ожидал от гриффиндорцев.

— К чему сразу такая враждебность? — сказала Даймонд и, отпустив руку Драко, подошла к гриффиндорцам. — Я лишь хотела поговорить.

Драко почувствовал, как у него за спиной напряглись Крэбб и Гойл. Гриффиндорцы значительно превосходили их числом. Эта стычка явно не была той, в которой Драко стремился бы поучаствовать. И то, как Эппл Блум выступила вперёд, нисколько не сделало ситуацию легче.

— Ты здесь, шоб нам проблемы доставлять? — прорычала Блум, не оставляя никаких сомнений в том, чем всё сейчас может закончиться.

— Ой, не глупи, — отмахнулась Даймонд, закатывая глаза. — Это было та-а-ак давно... аж в прошлом году. Может, уже хоть немножко повзрослеешь?

Блум слегка отпрянула, всем своим видом демонстрируя недоумение.

— Что? — ахнула Белль, и голос, и поза её буквально кричали о том, насколько она удивилась.

— Я здесь, чтобы заключить официальный союз, — продолжила невозмутимо Даймонд. — В конце концов, мы все прибыли из одного города, так что должны держаться вместе.

— Неплохая идея, если так подумать, — вклинилась эта грязнокровка Грейнджер пока остальные либо стояли с отвисшими челюстями, либо просто наблюдали за тем, что будет дальше. — Только в чём подвох?

— Папочка был прав, — сказала ничуть не удивлённая Даймонд. — Ты и правда Твайлайт Спаркл этой группы.

— Спасибо, — улыбнулась Гермиона, приятно удивлённая подобным сравнением.

— Для начала, — сказала Даймонд и, обойдя вокруг всё ещё застывшей столбом Блум, стала осматривать мальчиков-гриффиндорцев, — если у нас возникнут какие-то проблемы, то вы придёте нам на помощь. Конечно же, это работает и в обратную сторону.

— Мне это кажется нечестным, — переступила с ноги на ногу Гермиона. — Мы можем предложить больше помощи чем вы, нас же больше.

— Естественно, вы можете предложить больше в чисто физической силе. В конце концов, у вас есть Эппл Блум, — произнесла Даймонд, критически осматривая Томаса, но не прикасаясь к нему. — Однако, надеюсь, твоё сходство с Твайлайт не распространяется лишь на любовь к книгам. Могу поспорить, ты осознаёшь, что весь ваш табун столь же ловок и искусен в плане интриг или в понимании местных реалий, сколь гидра с колоколом из нашей ратуши на шее. Не стоит недооценивать ценность пони-будь, способного решать проблемы другими способами, — и, видя скептический взгляд Гермионы, она добавила: — Между моей семьёй и семьёй Эппл Блум уже давно есть договорённости о взаимопомощи. Можете сами её спросить.

— К тому же, — взял слово Драко, не желая оставаться в тени своей невесты, — у нас есть Крэбб и Гойл. Каждого из них можно считать за две или три Блум.

— Драко, — сказала Сильвер, так и не отпустившая его руки, — никогда в жизни не вступай в драку с Эпплами. Любой удар по ним всегда заканчивается тремя-четырьмя ударами.

— Это как это? — спросил Гойл, которому совершенно не понравилось то, что кто-то усомнился в их силах, а значит — и в его боссе.

Сильвер устало вздохнула и объяснила:

— Ты ударяешь Эппла. Эппл ударяет тебя. Ты ударяешься об пол и уже не встаёшь.

— Я умею считать до четырёх, — хмыкнул Гойл. — А было только три удара.

— Иногда между «Эппл ударяет тебя» и «ты падаешь» оказывается ещё что-то, — пояснила Сильвер успокаивающим голосом, словно разговаривая с маленьким ребёнком, — например, стена или дерево.

— Хошь сказать, что они любят толкать людей об деревья? — спросил явно впечатлённый Гойл.

— Тебе явно нужно поработать над твоим определением слова «между», — поморщилась Даймонд, переходя к пристальному осмотру Поттера.

Драко сделал себе мысленную зарубку не доводить никого из гриффиндорцев на глазах Блум.

— Да что хорошего в союзе с гриффиндорцами? — вновь спросил Драко. — Они только и могут, что со всеми бодаться.

— Я тебе щас покажу, как мы умеем бодаться, — угрожающе шагнула вперёд Алу.

— Скуталу! — рявкнула Блум.

— Ты угрожаешь моему Драко? — спросила Даймонд, резко обернувшись к сиреневоволосой, в её голосе отчётливо послышалась сталь.

— Нет, не угрожает, — ответила за неё Блум, скривившись, будто съела целиком лимон. — Скуталу, извинись как положено и возвращайся к табуну.

К несчастью для Драко, он не смог насладиться зрелищем того, как сиреневоволосая девчонка, запинаясь, извиняется, так как сделавшая шаг вперёд Сильвер закрыла собой вид на неё.

— А нельзя договариваться обо всём после завтрака, а? — услышал Драко голос этой рыжей свиньи, отзывающейся на имя Рон Уизли.

— П'молчи, Рон, — шикнула на него Блум. — Завтрак мож'т и подождать.

— Бэ-э-кон? — печально спросила Маха.

— Эппл Блум, — сказала Даймонд. — Я благодарна, что ты контролируешь свою цепную собачку. Мы дадим вам время, чтобы она остыла. Но прежде чем мы уйдём, я обещаю тебе нашу поддержку и помощь вашим жеребчикам. Если им понадобится, на нашем факультете для них всегда найдётся кровать, а также каждому из них будет выделено по двести битсов, если они вдруг окажутся без денег.

Драко выглянул из-за спины Сильвер как раз вовремя, чтобы заметить, как Блум аж отшатнулась от удивления, прежде чем ответить:

— Я тож' обещаю, шо Драко всегда найдёт у нас пристанище и смож'т получить двести... не — тыщу галлеонов, ежели вдруг будет в них нуждаться.

Даймонд отошла от группы гриффиндорцев и, подойдя к Драко, вновь взяла его за руку.

— Что ж, на этом и порешим. Ты же помнишь, наши семьи уже несколько поколений сотрудничают. Надеюсь, это станет началом плодотворной и выгодной для нас обеих дружбы.

— И что только что было? — услышал Драко донёсшийся из-за спины голос младшей Уизли, пока шёл, ведомый Даймонд в сторону Большого зала.

— Эппл Блум просто ошибочно предположила, что ценность бита и галлеона примерно равны, — слышался ответ Грейнджер.

— Всё могло бы и лучше пройти, — нахмурилась Даймонд, на ходу оборачиваясь к Драко, когда гриффиндорцы оказались вне зоны слышимости. — Обязательно было пытаться саботировать всё?

— Да они все — просто кучка ничтожеств и грязнокровок-предателей, — неубедительно проворчал Драко.

— Да, они пустобокие, — неожиданно для него согласилась Даймонд, — однако Дафна сказала мне, что они уже имеют немалый политический вес и скоро смогут им воспользоваться. Двое жеребчиков из их табуна в будущем получат места в вашем правительстве, а Свити Белль своё уже получила. И это я не считаю те связи, которыми они обладают в Эквестрии, — Даймонд вздохнула. — Мой папочка мне вчера сказал, что мама слишком слепа и не понимает всей их ценности, потому наказал мне теперь быть с ними вежливыми. Иначе я отправлюсь домой, если он узнает, что я опять их дразню. Поэтому, если уж я к ним хорошо отношусь, значит, и ты должен к ним относиться хорошо.

— Мне эта идея не нравится, — признался Драко.

